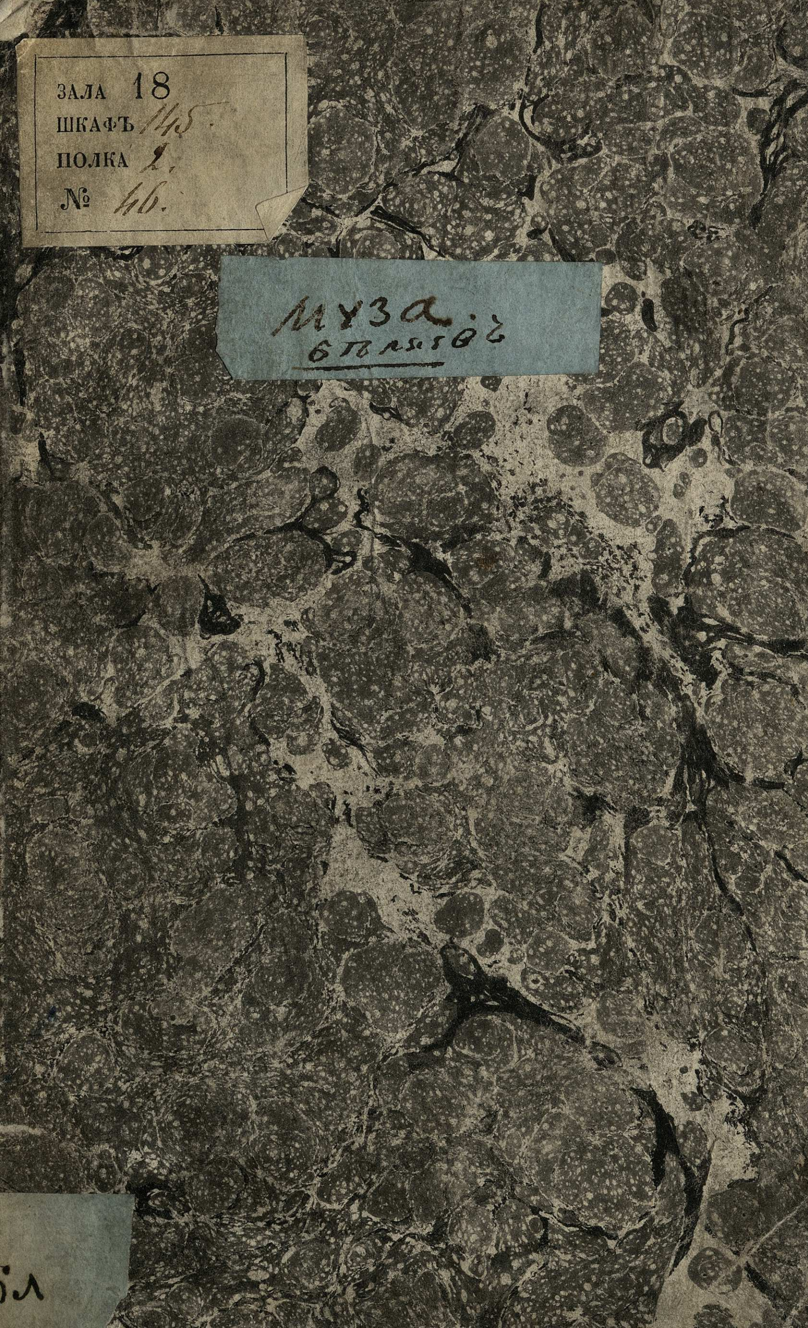

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 145
ПОЛКА 2.
№ 46.
Муза

МУЗА,

ИЛИ

СОБРАНІЕ РАЗНЫХЪ ЗАБАВНЫХЪ СОЧИНЕНІЙ ВЪ СТИХАХЪ.

Кунсткамеры Надзирателя
Осила Бѣляева.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

1794 года.

Satis mihi lectores pauci,
Satis eſt vnus, ſatis eſt nullus.

Owen. Epigram.

МУЗА.

МАІЯ ПЕРВОЕ ЧИСЛО.

Апрѣля первой день, иль первое число
Издавна у людей обманомъ заросло;
Вся слава состоитъ числа сего лишь въ томъ,
Дабы разумнаго поставишь дуракомъ.
Но Мая первое не таково число,
Оно забавнѣе имѣетъ ремесло;
Въ немъ роскошь царствуетъ, наряды, щегольство,
Великолѣпіе, убранство, мотовство
Разнообразнаго покроя молодцовъ,
Идущихъ, ѣдущихъ толпой въ Катерингофъ.
О Муза пѣшая безъ пудры, безъ буклей,
Снабденная одной стишистою душей!
Посторонись и дай дорогу щеголямъ,
Чтобъ вертопрахъ тебя не ляпнулъ по ушамъ.
Вѣдь денегъ нѣтъ у насъ, не можемъ щеголять,
Такъ станемъ издали на прочихъ хоть зевать.
Для Мая перваго пріятнаго числа,
Въ убранствѣ голова бываетъ и осла.

Но въ етомъ чуда нѣтъ; оселъ не понамарь,
Хотя преглупая, но свѣтская онъ тварь,
Почтожъ за щегольство осмѣиватъ ословъ,
Коль въ пудрѣ и дьячки идутъ въ Катерингофъ?
О Екатерингофъ, вмѣстилище красотъ,
Колико для тебя Май дѣлаетъ хлопотъ!
Но коль великая и слава для тебя!
Ты видишь въ торжествѣ по всякой годъ себя,
Ты видишь въ праздникъ свой различны чудеса,
Увеселяющи вездѣ твои глаза.
Сїянїемъ сребра и дорогихъ камней,
Тамъ блещетъ экипажъ, влекомый шестерней.
На Аглинскомъ конѣ гордяся Петиметръ,
Тамъ плюя на народъ, летаетъ яко вѣтръ.
Съ красавицей идя тамъ батюшкинъ сынокъ,
Разшталкиваетъ черньи вдоль и поперїокъ,
Благоуханїемъ Катерингофъ глушитъ,
И будучи оселъ, другихъ ослами чтитъ.
Тамъ съ жонкой вздернувъ носъ гуляя Секретарь,
Шумитъ межъ чернїю, какъ въ церкви понамарь,
И мимо проходя аршадъ и ананасъ,
Ѣстъ пряники и пьетъ Катерингофской квасъ.
По модѣ убранныхъ кокетокъ тамъ соборъ,
Сїяетъ прелестьми, какъ лѣтомъ мухаморъ,
Которы съ нѣжностью бросая взоръ очей,
Печаля кошелекъ, забавитъ щеголей.

Тамъ игры, радости, забавы, шутки, смѣхъ,
Развеселяющи сопразднующихъ всѣхъ;
Тамъ пиво пьяное, тамъ водка и винцо,
Румянитъ стариковъ, какъ красно яицо
На память приводя прошедшихъ младость лѣтъ,
Танцуютъ дряхлы тамъ старухи минуетъ.
Но льзяль всѣ дурости, о Муза! описать?
Мой слабъ къ тому гудокъ — такъ лучше замолчать.

ОБНОВА.

Пою . . . Умолкни все въ натурѣ!
Пою подьячева супругу на бандурѣ.
Жилъ секретарь
Завязчивая тварь.
А у него была супруга дарагая;
Какая?
О томъ читателю хотя и не скажу,
Но точно докажу,
Что баба не повѣса,
Хотя и стараго была остатокъ лѣса,
И сляпана по Руски топоромъ.
Но дѣло то не въ томъ:
Она была вѣрна и муженька любила,
Коровъ водила,
Варила,
Шила,
И тѣмъ секретарю премного удружила.

Супругъ хотя и былъ похожъ на Дикобраза,
Но въ силу даннаго попомъ ему указа,
Жену свою любилъ,
И въ угожденіе обнову ей купилъ,
Робронтъ съ какой-то сѣткой,
Жена одѣлася, и сдѣлалась насѣдкой;
Надулася и носъ вдругъ къ верху подняла.
Скажижъ, о Муза! намъ, куда она пошла,
Надѣвъ обнову? —
Доить корову.

З Л А Я Ж Е Н А.

Несносенъ въ свѣтѣ гладъ и язва моровая,
Несносны для людей война, пожаръ, потопъ,
Всего несноснѣе жена для насъ презлая:
Она есть тягостнѣй намъ, нежель самой чортъ.
Я ето докажу читателю примѣромъ,
И вотъ какимъ манеромъ.
Плылъ по морю корабль, не знаю я какой,
А только плылъ тогда онъ тихою водой.
Матрозы веселясь между собой играли,
А Набольшіе пуншъ въ каютѣ попивали.
Но вдругъ покрылися туманомъ небеса;
Ударилъ Аквилонъ свирѣпый въ паруса,
Ударилъ страшный громъ, Перуны заблистали,
И мачты на мѣстахъ потрясшись возстенали.

Поднялся въ морѣ ревъ, и валъ раждая валъ,
Ломаясь о корабль превыше мачтъ леталъ.
Борей во всѣ страны ярясь корабль бросаетъ,
И въ безднѣ потопить пловущихъ угрожаетъ,
Матрозы ждущїе кончины всякой часъ,
Пускаютъ къ небесамъ отчаянїя гласъ.
Умѣрьте, вопїетъ имъ кормщикъ, тщетно горе,
И съ судна вержите тяжелое все въ море.
Сказалъ: и вдругъ одинъ схвативъ свою жену,
С размаху бухъ ее во глубину,
Признавшись съ клятвенной предъ кормщикомъ божбою,
Что не имѣлъ ее тяжелѣе съ собою,
Пошла ко дну презлобная жена;
И тотъ часъ на морѣ явилась тишина.

СПОРЪ въ ВОРОТАХЪ.

Шелъ, секретарь, купецъ, крестьянинъ и богачь;
А имъ на встрѣчу шли честной пасторъ и врачь,
У всѣхъ шумѣло въ головахъ,
Столкнулись въ воротахъ,
Съ одной былъ стороны искусной секретарь,
Съ другой искусный врачь, ученнѣйщая тварь,
Чиновная была чета,
Такъ всякъ желалъ войти по прежде въ ворота.

Никто тутъ не хотѣлъ другъ другу уступить.
Вѣдь честь
И у подьячихъ есть,
Такъ льзяль секретарю ее не защитить?
За первенство сїе поднялся шумъ и споръ.
За лекарскую честь вступился тутъ пасторъ;
За секретарскую богачь, купецъ, мужикъ.
Ужасной въ воротахъ разспространился крикъ,
Ужасной шумъ!
Подъячїй лекарю не кумъ,
Желая напередъ шагнуть,
Безъ резолюцїи врача ударилъ въ грудь.
А врачь
Былъ самъ горячь,
Схватилъ секретаря взаимно за власа. —
О странныя въ природѣ чудеса!
Между тѣмъ временемъ шелъ живописецъ въ рядъ,
Картину продавать,
И крикъ услышавъ тотъ, къ воротамъ прибѣжалъ,
За что вы, господа, деретеся, сказалъ?
Кому итти впередъ, отвѣтъ былъ, въ ворота.
Какая пустота!
Художникъ подхватилъ; вы равные въ душахъ,
Такъ слѣдственно равны вы въ дѣлѣ и чинахъ.
Смотрите на сїю картину, говоритъ,
Которая вашъ споръ конечно разрѣшитъ.
Въ ней есть и секретарь, крестьянинъ и богачь,
И патеръ, и купецъ, и врачь.

Престали всѣ кричать,
И начали картину разбирать.

Картина сія была слѣдующаго содержанія:

Во первыхъ представленъ въ ней богачь въ драгоцѣнной одеждѣ, который нѣжася въ позлащенныхъ креслахъ, сидѣлъ гордѣливо за великолѣпнымъ столомъ, всякими ѣствами и напитками исполненномъ, имѣя съ собою по правую руку Тразона, а по лѣвую Санніона. Въ низу богача стоялъ въ ветхомъ рубищѣ крестьянинъ, держа въ рукахъ соху. Подлѣ крестьянина былъ изображенъ купецъ, показывающій перстомъ на карманъ, златомъ наполненный. Далѣе слѣдовали: секретарь съ перомъ и указами; пасторъ съ разрѣшительною грамотою; лекарь съ рецептами и ланцетомъ. Близъ лекаря стоялъ страшный сатана, держащій въ рукахъ длинную цѣпь, составленную изъ звѣнъ имѣющихъ подобіе языковъ человѣческихъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою надпись. У богача была слѣдующая: *Сихъ двухъ я содержу.* У крестьянина: *сихъ трехъ я питаю.* У купца: *сихъ четверыхъ я обманываю.* У секретаря: *сихъ пятерыхъ я облупаю.* У пастора: *сихъ шестерыхъ я разрѣшаю.* У лекаря: *сихъ семерыхъ я умерщвляю.* У сатаны: *сихъ ос-*

мерыхъ, оковавъ цѣпїю, влеку во адъ съ собою.

Какаяжъ, закричалъ врачь, равность тутъ
въ дѣлахъ,
Когда всѣхъ жизнь въ моихъ рукахъ?
И льзяль Секретарю равняться въ чести мнѣ,
Когда я ближе всѣхъ стою ко сатанѣ?
Сказалъ; и вдругъ шагнулъ впередъ:
За нимъ, оставя шумъ, и прочїе во слѣдъ.

НОВОБРАЧНОЙ.

Женился Вѣтролетъ на дѣвушкѣ красивой;
Женяся онъ на ней, вдругъ сдѣлался ревнивой.
Сталъ всѣхъ пренебрегать,
Знакомыхъ убѣгать,
Друзей позабывать,
Ворота запирать,
Церберовъ приставлять,
И скважины вездѣ во спальню затыкать.
О чудо! Вѣтролетъ со всѣмъ перемѣнился.
Услышавши, что другъ мой искреннїй женился,
О вѣсть прїятная! въ восторгѣ я вскричалъ,
О вѣсть! - - - и съ радости ни слова не
сказалъ.
Бѣгу къ прїятелю поспѣшными стопами,
И друга поздравлять готовлюся стихами.

Епишоламїю сплешаю на пуши,
И шщусь, какЪ кЪ молодой получше подойши.
Но о превращность свѣша!
Пришедши наконецЪ ко дверямЪ Вѣтролеша,
ХошѣлЪ ихЪ отворить: но двери на замкѣ.
Я сунулся кЪ окну: рѣшотка на окнѣ.
Я сунулся кЪ другимЪ — о Боже!
И тамЪ увидѣлЪ тоже.
Я ухо приложилЪ: не слышно ничего.
Конечно, я сказалЪ, нѣтЪ дома никого,
Иль можетЪ быть опочиваютЪ.
Однако сталЪ стучать — мнѣ тотЪ часЪ отвѣчаютЪ:
Кто тутЪ! - - - женатЪ, иль холостой?
ВдругЪ удивившися задачѣ таковой,
Я вЪ гнѣвѣ закричалЪ: конечно холостой!
ИзвольтежЪ, былЪ отвѣтЪ, итти сударь домой.
НашЪ баринЪ холостыхЪ кЪ себѣ не принимаетЪ;
ОнЪ разсуждаетЪ,
Что всякой холостой есть для женатыхЪ волкЪ.
СказалЪ, и двери на замокЪ.
О Муза! у тебя я требую совѣту,
Скажи, что сдѣлалось такое Вѣтролету?
Не ужЪ-ли онЪ женясь вдругЪ сдѣлался богатЪ?
Смѣешся ты! — Увы! конечно сталЪ рогатЪ.

ПРЕЛЕСТА.

Жила, была Прелеста молодая,
А попросту сказать, красавица такая,
Къ которой доступъ былъ не труденъ ни кому,
Гдѣ по карману лишь цѣнились одному.
Случилось нѣкогда зайтить мнѣ къ сей красотки,
Не помню для чего, для ужина иль водки;
А можетъ быть . . .
Но что пустое говорить?
Вѣть я простой Риѳмачь, не откупщикъ богатой;
Карманъ мой не рогатой,
И вмѣсто золотыхъ лишь риѳмами звѣнитъ,
Такъ намъ ли дружество съ Амурами водить?
Но какъ бы ни было, молодка полюбилась,
И крѣпко къ моему сердчишку прицѣпилась.
Я началъ ластиться, и ближе къ ней подсѣлъ:
Двѣ пѣсенки предъ ней любовныя пропѣлъ:
Вздохнулъ, какъ страстные любовники вздыхаютъ,
Когда къ красавицамъ впервые подлипаютъ.
Потомъ - - - ужъ путь былъ не великъ.
Но, о случай! вдругъ въ двери откупщикъ,
Дѣтина преширокой,
Съ окладистой брадой, и ростомъ превысокой,
Отъ ногъ до головы весь золотомъ облитъ.
Я думалъ, самъ Плутонъ въ покои къ намъ валитъ,

Вскочилъ, и низко поклонился.
Онъ двинулъ тушею, и въ креслы повалился,
Потомъ съ презрѣнїемъ взглянувши на меня,
Мнѣ кажется, сказалъ, я видывалъ тебя,
Но точно гдѣ, не знаю:
Однакожъ намѣкаю . . .
Не изъ приказныхъ ли ты, братъ?
Я очень радъ.
Хотя стрекается приказная крапива;
Но намъ она нужна . . . не хочешь ли братъ пива?
Сказалъ, и брякнулъ кошелькомъ.
Увидѣвъ золото, красавица леткомъ,
Какъ птица изъ садка къ бородачу порхнула,
И тѣмъ мнѣ ясно намѣкнула,
Что ей не надобенъ мой стихотворной бредъ;
А нуженъ къ завтрему обѣдъ.

ЖЕНИДЬБА ЛЬВОВА.

Пословица гласитъ: *по платью принимаютъ,*
А по уму насъ провожаютъ.
Я истинну сїю примѣромъ докажу,
Про свадьбу львиную читателю скажу.
Плѣняся нѣкогда левъ львицей молодою,
И жизнїю своей соскучась холостою,
Жениться вздумалъ онъ на ней.

Левъ долго ждать не любитъ,
Коль страсть къ женидьбѣ нудитъ;
А страсть, извѣстно всѣмъ, муштруетъ и звѣрь-
ми,
Подобно какъ людьми.
Плоть всяка немощна; такъ льзя ли укрѣ-
питься,
Чтобъ не жениться?
Левъ тотъ часъ разослалъ курьеровъ по гостей,
По знатныхъ всѣхъ звѣрей.
Разсѣялись вездѣ о свадьбѣ львовой толки;
Идутъ ко льву на пиръ медвѣди, тигры, волки,
И прочи знатны господа.
Идетъ оселъ туда,
И въ фижмахъ и въ чепцѣ разряженна лисица.
Лисицу приняли и левъ младой и львица,
И тотъ часъ дали стулъ для гостьи дарагой.
Хотѣлъ войтить оселъ туда же за кумой;
Но кума одержали,
И просимъ милости назадъ, ослу сказали.
На пиршество пускать ословъ левъ не велѣлъ;
Тамъ всѣ въ убранствѣ и нарядѣ,
А вы идете не въ парадѣ.
Изрядно! подхватилъ оселъ,
Коль стало за нарядомъ,
Такъ скоро и оселъ со львомъ засядетъ рядомъ.
Сказалъ, и полетѣлъ домой,
И сѣлъ за туалетъ, какъ щеголь столповой,

Сталъ убираться,
И наряжаться.
Всчесалъ большой тупей,
Наставилъ множество буклей,
Натерся всякими мастями,
Опрыскался духами,
И вздѣлъ со швенїемъ высоколифной фракъ.
Въ убранствѣ таковомъ предъ зеркаломъ гордится,
И говоритъ: теперь оселъ ужъ не дуракъ,
И левъ къ себѣ осла пустить неустыдится.
Сказалъ,
И вдругъ на свадьбу побѣжалъ.
Тотъ часъ съ музыкою ослу дверь отворили,
И въ креслы съ знатными гостями посадили.

ОТВѢТЪ

Прїятелю, жалующемуся на долговремянную свою лихорадку.

Ты жалуешься мнѣ на лютость лихорадки,
Котора долго такъ не сдѣлаетъ догадки,
Оставитъ вдругъ тебя и перейтить къ другому.
Гдѣжъ сыщешь твоего великолѣпнѣй дому?

Въ немъ злато и сребро во всѣхъ мѣстахъ блистаетъ,
Въ немъ роскошь всякая и нѣга обитаетъ.
Стоящїе во кругъ тебя толпою слуги,
Наперерывъ твои довольствуютъ недуги.
Всегда ты, какъ карась въ прудѣ на мягкой тинѣ,
Въ пуховой нѣжася валяешься перинѣ,
Закрывшися отъ мухъ вкругъ шелковымъ покровомъ.

Словомъ:

Ты въ нѣдрахъ щастїя земнаго обитаешь,
И всемъ, чѣмъ вздумаешь, себя увеселяешь.
Подумай же, мой другъ, льзяль изъ такаго дому
Иттить сей Комахѣ съ перины на солому.

КЪ СИЛЬВІИ.

О ты, которая подъ нѣжной красотой
Непостоянство сокрываешь,
Котора жизнь мою, и нѣжность, и покой,
Игрушкою себѣ считаешь!
Ты хочешь, чтобы жизнь пресѣклася моя. —
Она, о Сильвїя драгая!
Она давно раба есть власти твоея. —
Покорствую тебѣ, о злая!

Покорствую во всемъ я лютости твоей. —
Уже меня не узришь болѣ.
Но прежде, нежель часъ приспѣетъ тяжкой сей,
Который разрѣшитъ въ неволѣ,
Позволь впослѣднiе любовь тебѣ открыть,
И предъ душей твоей безстрастной,
Позволь, любезная! тѣ клятвы повторить,
Отъ коихъ бѣдствую нещастной.
Бумага и перо готовы для сего:
На ней то все изобразится;
Она чувствительнѣй есть сердца твоего:
Въ ней слово лучше сохранится.
„Прости! — ты мнѣ мила, жестокая, по смерть!
„Когда нещастному не можно
„Съ Сильвiей говорить, возлюбленную зрѣть;
„Прости! — мнѣ жизнь окончить должно.
„Но если воздохнешь по смерти ты моей;
„Тогда мнѣ будетъ смерть прiятнѣй жизни всей.

КУПИДОНЪ
превращенный въ бабочку.

Пронзенный Зевсъ стрѣлою
Во гнѣвѣ говорилъ:
Когда ты, сынъ, со мною
Толь дерско поступилъ,
Что злой стрѣлой своею
Пронзилъ за Киѳерею

Юпитерову грудь;
ТакЪ бабочкой ты будь!

* *
*

Едва слова прервались,
БогЪ бабочкой сталЪ вдругЪ;
ВдругЪ крылья показались
Лазуревы изЪ рукЪ;
ИзЪ стрѣлЪ явились ножки,
Подобны какЪ у мошки:
ОнЪ плакать тутЪ хотѣлЪ,
Но силЪ ужЪ не имѣлЪ.

* *
*

Теперь онЪ не летаетЪ
За сердцемЪ со стрѣлой,
А только лишь играетЪ,
Рѣзвяся предЪ тобой;
И сЪ одного цвѣточка,
ОнЪ вЪ видѣ мотылю̂чка
Порхая на другой,
ТоскуетЪ лишь сЪ собой.

* *
*

Зря ЗевсЪ его судьбину,
Смягчился наконецЪ;
Утѣшся, рекЪ онЪ, сыну,
Нещастливый стрѣлецЪ!
Я гнѣвЪ свой потушаю,
И дерзость забываю. —

Прекрасный мотылёкъ!
Будь паки мой сынокъ.

* * *

Амуръ перемѣнился
Тотъ часъ тогда во всемъ,
Съ стрѣлами вдругъ явился
Колчанъ опять при немъ;
Лишь крылья въ немъ остались,
Которыя махались
За плечами тогда,
За дерзость на всегда.

* * *

Съ тѣхъ поръ любовь межъ нами
Быть стала не вѣрна,
Подобно межъ цвѣтами
Какъ бабочка она,
Въ минуту прилетаетъ,
И паки отбѣгаетъ
Въ минуту отъ тебя,
Другова полюбя.

КУПИДОНЪ и НИМФЫ.

Межъ малыми ручьями,
Шумящими вокругъ,
Кристальными струями
Бѣжалъ источникъ въ лугъ,

При коемъ богъ Цитеры,
Играя въ тѣхъ мѣстахъ,
И утомясь безъ мѣры,
Межъ розъ уснулъ въ цвѣтахъ.

* * *

Межъ тѣмъ, какъ симъ покоемъ
Амуръ себя питалъ,
Прекрасныхъ Нимфъ ликъ строемъ
Рѣзвиться выступалъ;
И робкою ногою
Подкравшися къ стрѣльцу,
Дивились межъ собою
Прелестному лицу.

* * *

Ахъ сколь лице прекрасно
Имѣетъ мальчикъ сей!
Одна сказала страстно
Подружкѣ тутъ своей.
Купидо пробудился,
Услышавъ разговоръ,
И тайно веселился,
Зря нѣжныхъ музъ соборъ.

* * *

Онъ умыселъ лукавый
Питая во устахъ,
Для вредныя забавы
Скрылъ въ пламенныхъ очахъ:

А Нимфы, кои были,
Отважнѣе въ тотъ часъ,
Амура посадили
Межъ нѣдръ своихъ заразъ.

* *
*

Тутъ Евхариса, Ная
Съ Ѳемироюю вѣнкомъ
Главу ему вѣнчая,
Шутили надъ божкомъ:
А онъ въ ногахъ вертяся,
Ихъ взоромъ утѣшалъ,
На ласки ихъ рѣзвяся,
Усмѣшкой отвѣчалъ.

* *
*

Потомъ взмахнувъ крылами
Въ колѣнахъ мальчикъ злой,
Проворными ногами
Скочилъ отъ Нимфъ долой;
И факеломъ горящимъ
Въ продерзливыхъ рукахъ,
Наядамъ предстоящимъ
Зажегъ огонь въ сердцахъ.

* *
*

Ахъ злобный богъ Цитеры!
Отдай ты нашъ покой,
Кричали тутъ безъ мѣры
Наяды межъ собой.

За что его лишаешь
Жестокой Купидонъ! —
Увы! ты принуждаешь
Згарать огнемъ средь волнъ.

* * *

Питайте грудь, питайте
Прїятнымъ симъ огнемъ,
И вопль не умножайте;
Я самъ не властенъ въ немъ.
Огонь воспламенити
Сей можетъ Купидонъ;
Но въ сердцѣ погасити
Уже не властенъ онъ.

ТОЖЪ (а)

Въ долинѣ, гдѣ журча источникъ извивался,
И въ мелки ручейки играя раздроблялся,
Прелестный Купидонъ, гоняясь за сердцами,
Трудами утомленъ уснулъ между цвѣтами.

* * *

(а) Сїя пїеса одного содержанїя съ предъидущею; но по прозьбѣ нѣкотораго прїятеля переложена въ стихи шестистопные, и напечатана равно какъ первая, въ новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненїяхъ, при Императорской Академїи Наукъ издаваемыхъ.

Межъ тѣмъ, какъ чувства сномъ Амура наслаждались,
Наяды къ ручейку играя приближались,
И робкой къ мальчику подкравшися ногою,
Прїятностямъ его дивились межъ собою.

* * *

Ахъ сколь лице его любезно и прекрасно!
Подружкѣ воздохнувъ сказала Нимфа страстно:
Услыша то божокъ, вздрогнулъ и пробудился,
И видя предъ собой Наядъ возвеселился.

* * *

Питая умыселъ во сердцѣ онъ лукавый,
Сокрылъ его въ очахъ, исполненныхъ отравы;
А Нимфы замысла коварнаго не знали,
Въ колѣни посадя Амура, лобызали.

* * *

Ѳемира нѣжная, Евхариса и Ная
Лѣлѣили божка, цвѣтами украшая;
А онъ увеселялъ ихъ взорами своими,
На ласки отвѣчалъ усмѣшками одними.

* * *

Но вдругъ въ объятїяхъ взмахнувши ихъ крылами,
Скочилъ отъ нимфъ долой проворными ногами,
И факеломъ въ рукахъ продерзливыхъ горящимъ
Зажегъ огонь въ сердцахъ Наядамъ предстоящимъ.

* * *

Ахъ злобный Купидонъ, незнающїй пощады!
Отдай ты нашъ покой, кричали тутъ Наяды;
За что, жестокой богъ, тобою онъ лишаемъ?—
Увы! мы пламенемъ въ волнахъ самихъ сгараемъ!

* *
*

Сгарайте симъ огнемъ, о Нимфы! вы сгарайте,
Вѣщаетъ Купидонъ, и вопль не умножайте.
Я въ сердцѣ сей огонь воспламенить умѣю,
Но погасить его ужъ власти не имѣю.

ПОРТРЕТЪ ЛЮБВИ.

Всечасно ощущать мучительную силу,
Снѣдающую грудь печальну и унылу:
Сверхъ воли чувствовать огнь сильныя любви,
Кой обновляется вседневно во крови:
Стараться окончать всегда свои желанья,
И никогда тому не видѣть оконча нья:
Ложиться всяку ночь покоиться въ кровать,
И не заснувъ опять въ стенаньи воставать:
Питать себя вездѣ прїятною мечтою,
И часто сЪединять веселїе съ тоскою:
На каждый обмирать день болѣе сто разъ,
И воскресать потомъ въ минуту или часъ:
По радостямъ, въ лицѣ драгой изображеннымъ,
Считать себя въ любви счастливымъ и блаженнымъ,

И наконецъ, увы! не видѣть ничего,
Кромѣ сильнѣйшаго мученья одного:
Вмѣщать любезную свою между богами,
И въ мысляхъ становить всѣхъ подъ ея стопами:
Зрѣть счастїе свое въ однихъ ея очахъ,
И все нещастїе зрѣть въ оныхъ же глазахъ:
Завидовать въ судьбѣ прохладному зефиру,
И даже самому тончайшему Эфиру,
Которые всегда любезную рѣзвясь,
Лобзаютъ, за ея одежду уцѣпясь:
Мочь до безумїя любить и пламенѣти,
И никогда конца въ любови не имѣти:
Готовиться всегда отъ страсти умереть,
Чтобъ болѣе предметъ мучительный незрѣть,
И всячески опять не умирать стараться,
Чтобъ никогда съ своей любезной не растаться
Чтобъ дружески ее по смерть свою любить,
И честь ея любя на вѣки сохранить:
Упрашивать ее въ любови ежечасно,
И ахъ! упрашивать всегда при томъ напрасно:
На нѣжны прелести всегда ея взирать,
И видя прелести, вездѣ ее искать:
Безъ утружденїя любить всегда и скуки,
И чувствовать любя неизреченны муки,
Когда соединить два сердца рокъ претитъ,
Или соединя, препятствїемъ томитъ.
Вотъ должности любви.-Хоть должностьипрезлая;
Но я тебя люблю, Елиза дорогая!

Ты первая дала мнѣ ядъ любви испить:
Я выпилъ, и тебя на вѣки сталъ любить.

ВОТЪ КАКОВО ВЛЮБИТЬСЯ!

Едва лице свое открыло
Въ зеленыхъ Солнышко лугахъ,
Ужъ эхо всюду разносило
Мои стенанія въ устахъ.

* *
*

Я рощамъ злачнымъ докучаю
Всечасно жалобой своей,
Лугамъ и токамъ открываю
Причины горести моей.

* *
*

Но эхо, рощи и долины
Не внемлютъ жалобамъ моимъ:
Не можетъ усладить кручины
Потокъ журчаніемъ своимъ.

* *
*

Сажусь подъ тѣнію густою
На мягкой травкѣ иногда;
Но ахъ и тамъ себѣ покою
Не обрѣтаю никогда.

* *
*

Стеню: но стону отвѣчаютъ
Лишь горлицы на древесахъ;
Лью слезы: слезы возмущаютъ
Покой въ прозрачныхъ ручейкахъ.

* * *

Увы ни эхо, ни долины,
Ни древеса, ниже струи
Не могутъ усладить кручины,
Ни скорби тяжкія мои.

КЪ ЕЛИЗѢ.

Златое время улетѣло:
Себя не нахожу въ себѣ:
Мученье сердцемъ овладѣло: —
О коль въ несносной я судьбѣ!

* * *

Мой духъ уже не восхищаетъ
Витія славный Цицеронъ;
И сердца не увеселяетъ
Пріятной лирою Маронъ.

* * *

Омиръ, піита громкій въ свѣтѣ,
Теперь меня не веселитъ;
Въ златомъ Сенека переплетѣ
Заплѣснѣвши въ углу лежитъ.

* * *

Какъ мала лодка въ бурномъ морѣ,
Ношусь среди любовныхъ волнъ;
Вездѣ меня встрѣчаетъ горе,
Вездѣ пронзаетъ Купидонъ.

* *
*

Тобой, Елиза! я тобою
Толико сталъ перемѣненъ,
Твоей въ чудовище красою
Изъ человѣка претворенъ.

* *
*

Твой взоръ любезный, ахъ! и злобный
Умѣлъ природу побѣдить;
И духъ искореня свободный,
Оковы тяжки наложить.

* *
*

Лишивъ меня златаго вѣка,
Лишила чести ты меня;
Лишила титла человѣка,
Въ безплодный стебель премѣня.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Долголь будешь издѣваться,
Ты, Елиза! надо мной?
Долголь станешь мной гнушаться,
Отнимая мой покой?

* *
*

Или то тебѣ пріятно,
Что крушуся о тебѣ,
И любя невѣроятно,
Самъ врагомъ кажусь себѣ?

* * *

Иль на то меня прельстила,
Чтобъ на жертву мукамъ дать,
И за тѣмъ воспламенила,
Чтобъ холодностью терзать?

* * *

Но воспомни, дорогая!
Тотъ протекшій сладкой часъ,
Ты въ который обнимая,
Въ вѣкъ любить меня клялась.

* * *

Вспомяни жилище Флоры,
Гдѣ межъ розъ съ тобой гулялъ,
Гдѣ тебя въ глазахъ Авроры,
Съ восхищеньемъ цѣловалъ.

* * *

Приведи на мысль лѣсочикъ,
Гдѣ жаръ страсти воспылалъ,
Гдѣ играя вѣтерочикъ,
Наши вздохи развѣвалъ.

* * *

Всѣ минуты тѣ исчисли,
Разбери меня всего,
И достоинъ ли, помысли,
Я презрѣнья твоего?

* *
*

Сжалься, сжалься, дорогая!
Надъ невольникомъ своимъ,
И не буди презирая,
Ты тиранкою надъ нимъ.

* *
*

Возвратя златы минуты,
Обѣщай меня любить;
Я забывъ свои дни люты,
Въ вѣкъ твоимъ клянуся быть.

КЪ НЕЙ ЖЕ.

Плѣнясь небесною твоею красотою,
Любилъ какъ душу я, дражайшая! тебя,
И видя всякой часъ тебя передъ собою,
Счастливымъ называлъ любовникомъ себя.

* *
*

Ласкаянія твои въ умѣ воображая,
Я думалъ, что любовь свершается моя;
Я думалъ истинно, Елиза дорогая!
Что сердцемъ и твоимъ владычествую я.

* *
*

Но ахъ, жестокая! обманутъ я тобою:
Ты сердце нѣжное и душу сокруша,
Лишаешь на конецъ надежды и покою —
Другимъ твоя горитъ коварная душа!

* *
*

Но я тебѣ сiе, невѣрная! прощаю.
Я Клою полюблю, — у ней смиренный взоръ;
Тебя же на всегда отъ нынѣ забываю.
Прекрасна женщина есть вредный мухаморъ.

Къ другу.

Уже теперь не ощущаю
Мученiй прежнихъ я въ себѣ;
На все спокойно я взираю,
И лучша друга зрю въ тебѣ.

* *
*

Мое ужъ сердце не пронзаетъ
Стрѣлою злобный Купидонъ,
И никогда не излетаетъ
Изъ томной груди тяжкой стонъ.

* *
*

Елиза нынѣ предо мною
Обыкновенный человѣкъ,
Не сжетъ меня своей красою,
Не лью по ней я слезныхъ рѣкъ.

* *
*

Стою, какъ твердый въ морѣ камень,
Недвижимъ отъ любовныхъ волнъ;
Смѣюсь на прежній вредный пламень,
Имѣя духъ спокойства полнъ.

* * *

Тебѣ, тебѣ, о другъ любезный!
За все сіе благодарю;
Совѣтъ твой сдѣлалъ то полезный,
Себя что человѣкомъ зрю.

* * *

Ты жребій мой открылъ несчастный,
Опасность страсти показалъ,
И слѣдствія любви ужасны
Примѣромъ многихъ доказалъ.

* * *

Изъявъ изъ сердца стебель вредный,
Достойнымъ мя явилъ Творцу:
Я членъ ужъ отчества не бѣдный —
Я другъ тебѣ, — я сынъ отцу

БАСНИ

1.

Орелъ и солнце.

На солнце нѣкогда орелъ
Весьма внимательно смотрѣлъ,
Потомъ вскричалъ: о Фебъ, отецъ великїй мїра!
Котораго воспѣть безсильна всяка лира,
Колико смертные одолжены тобой!
Ты неприступною сїяя красотой,
Вездѣ свои лучи злашые разливаешь,
И всю Вселенную, какъ точку, озаряешь.
Тобою движется и дышетъ всяка тварь,
Орелъ и воробей, и рабъ и Государь.
Ты, проницая внутрь земли весьма глубоко,
Живишь природу всѣхъ въ ней кроющихся тѣлъ.
Коль быстро быть должно твое, о солнце, око!
Ты правду говоришь, орелъ,
Титанъ ему отвѣщаваетъ;
Конечно такъ: мой лучь вселенну озаряетъ;
Онъ свѣтитъ на земли, онъ свѣтитъ въ небесахъ,
И разсыпаетъ блескъ въ пространныхъ всѣхъ моряхъ.
Но долженъ я признаться,
Что самъ я не могу симъ благомъ наслаждаться.
Я свѣтъ даю другимъ отъ свѣта моего;
А самъ, божусь тебѣ, не вижу ничего.

2.

ЧЕЛОВѢКЪ и ЛЕВЪ.

Шелъ левъ и человѣкъ дорогою одной,
Не знаю я отколѣ,
Не знаю какъ свели знакомство межъ собой,
А вѣдаю лишь то, что шли они по волѣ.
Дорогой идучи, вступили въ разговоръ,
Иль лучше въ споръ,
Кто былъ изъ нихъ сильнѣе,
И подюжѣе.
Левъ твердо защищалъ велику силу львовъ;
Другой не слуша львиныхъ словъ,
Другое утверждаетъ,
И сильными людей единыхъ называетъ.
Левъ говоритъ свое,
А человѣкъ свое,
И въ силѣ уступить другъ другу не хотѣли.
Межъ тѣмъ передъ собой статую усмотрѣли.
Вотъ статуя, сказалъ льву человѣкъ, стоитъ,
Которая нашъ споръ конечно разрѣшитъ. —
Вотъ человѣкъ изображенъ предъ нами,
Который давитъ льва, какъ муху, подъ ногами:
Такъ видишь, кто теперь изъ насъ правѣе сталъ?
Я вижу все сїе, осклабясь левъ сказалъ. —
О если бы и львы сїе искуство знали!
Тряся главой левъ рекъ;
Тогдабъ мы написали
Въ ногахъ у одного льва двацать человѣкъ.

3.
ЛИСИЦА и ПѢТУХЪ.

Кто льститъ и лицемѣритъ,
Тому никто не вѣритъ.
А что неложно то, я басней докажу,
Про пѣтуха съ лисицею скажу.
Гуляла нѣкогда лисица подлѣ лѣса,
И пѣтуха узрѣла на суку,
Который пѣлъ кокереку.
Лисица не повѣса,
И знаетъ, какъ подлесть,
Когда курятины задумаетъ поѣсть.
Здорова куманёкъ! а кумъ на то: здорова
Ахъ какъ высоко я зрю кума дорогова!
Но ето не бѣда; кумъ тотъ часъ для меня
Сойдетъ пониже,
Примолвила лиса подшедши къ нему ближе.
Послушай куманёкъ! почтенiе храня,
Я радостную вѣсть пришла тебѣ доставить,
А именно пришла, сударь, тебя поздравить.
По милости своей,
Левъ мирной заключилъ трактатъ между звѣрей;
О семъ въ приказѣ
Читала я сама въ указѣ.
Сойдижъ меня обнять, оставя прежнiй страхъ,
Лиса тебѣ уже не врагъ.
Пѣтухъ, примѣтя лесть, сойти къ кумѣ нехочетъ;
А кумушка хлопочетъ,
И балы куму точетъ:

Сойди, прекрасный пѣтушокъ!
Сойди, любезный куманёкъ! —
Изволь! — но что я вижу?
Собаки къ намъ бѣгутъ. — Конечно поздравлять,
И кумушку обнять.
Лисица оробѣвъ навостриваетъ лыжу.
Куда же ты? Кричитъ пѣтухъ лисицѣ въ задъ,
Или не заключенъ между звѣрьми трактатъ?—
Собаки рѣдко, кумъ, бываютъ вѣдь въ приказѣ,
Такъ можетъ быть онѣ не знаютъ о указѣ.

4.

СТЫДЪ, ВОЗДУХЪ и ВОДА.

Стыдъ, воздухъ и *вода,*
Не знаю я когда,
Дорогой шли одною,
И говорили межъ собою:
Се мѣсто, гдѣ должны мы стать,
И за компанїю поклонъ отдать;
Вотъ мѣсто, гдѣ должны другъ съ другомъ мы проститься,
Такъ скажемъ, гдѣ опять намъ всѣмъ совокупиться?
Я буду, *воздухъ* рекъ, летати на горахъ,
На ихъ превыспреннихъ холмахъ.

А я пойду въ землѣ глубокими путями,
Рекла *вода*,
И буду выходить оттолѣ вверхъ струями.
А ты гдѣ будешь, *стыдъ*, тогда?
И самъ я, *стыдъ* сказалъ, поистиннѣ не знаю:
Но признаюся вамъ по совѣсти, друзья,
Когда единожды откуда выду я,
Въ томъ мѣстѣ никогда въ другой разъ не бываю.

5.

ЛЕВЪ и МЕДВѢДЬ.

Пошелъ когда-то Левъ противу птицъ войною;
А что тому виною,
О томъ я не могу читателю сказать.
Возможноль Львовы мнѣ намѣренія знать?
Левъ царь, а не простой дѣтина;
Такъ видно важная была къ тому причина.
Насталъ похода день, и армія сбралась.
Гремитъ оружіе, военный слышенъ гласъ.
Блистаютъ шишаки и латы;
Ярятся всѣ солдаты,
И генералъ, и штабъ, и оберъ, и унтеръ.
Приходитъ воруженъ Медвѣдь ко Льву въ шатеръ,
Колѣна приклоняетъ,
И тако начинаетъ:
Могучій государь! прошу, скажите мнѣ,
Какую принесутъ намъ пользу на войнѣ

Ослы лѣнивы
И зайцы боязливы?
Не лучшель, государь! оставить сихъ солдатъ,
Которы на бою намъ станутъ лишь мѣшать?
Левъ гривой потрясаетъ,
И такъ отвѣщаваетъ:
Медвѣдь! хоть генералъ ты мой и кавалеръ;
Однако судишь ты, какъ безчиновный звѣрь.
Я знаю, заецъ трусъ; но скоръ въ ногахъ безъ мѣры,
Такъ зайцы на войнѣ быть могутъ курїеры:
Ослы имѣютъ громкїй гласъ,
Пусть будутъ трубачи у насъ.
Не должно ничего пренебрегать на свѣтѣ,
Вѣдь польза не въ одной сидитъ каретѣ,
Но ѣздитъ и въ дровняхъ.
Есть польза иногда и въ самыхъ дуракахъ.

ПѢСЕНКИ.

1.

Я стадомъ только занимаюсь,
За нимъ единымъ лишь хожу;
Овечками увеселяюсь,
И въ нихъ все счастье нахожу.

* *
*

Для нихъ-то чистой ручеечекъ
Межъ пальмами сыскала я;
Когда довольныхъ зрю овечекъ,
Довольна и душа моя.

* *
*

Во время ночи почиваю
Всегда пріятнѣйшимъ я сномъ,
И безъ смущенія встрѣчаю
Грядуще солнышко со дніомъ.

* *
*

Спокойствіемъ однимъ плѣняюсь:
Вотъ вся моя забава тутъ!
Младенцомъ нѣжнымъ не прельщаюсь,
Амуромъ коего зовутъ.

* *
*

Хотябъ напали разъяренны
Вдругъ волки и Амуръ на насъ:
О коль овечки вы блаженны! —
Собачки вступятся за васъ.

* *
*

Но ахъ! меня кто оборонитъ?
Одинъ лишь посохъ у меня. —
Такъ чтожъ? и посохъ сей прогонитъ,
О дерзской Купидонъ! тебя.

2.

Коль хочешь быть любимЪ своею дорогою,
Старайся таинство любови сохранять:
Кто вѣдаетЪ молчать и управлять собою,
ТотЪ прямо вѣдаетЪ любить и обожать.

* *
*

ЧтобЪ понравиться драгой,
Тайну свято наблюдай;
Тайна ключь любви прямой,
ИмЪ лишь сердце отпирай.

* *
*

Вотще стараются любовь содѣлать вредной!
Нѣжнѣйшiй огнь ея намЪ тайно освятитЪ;
Любовь считается добротою душевной,
Когда лишь таинство ее руководитЪ.

* *
*

ЧтобЪ понравиться драгой,
Тайну свято наблюдай;
Тайна ключь любви прямой,
ИмЪ лишь сердце отпирай.

* *
*

И слово иногда одно не осторожно
ПлодЪ долгой вѣрности вмигЪ можетЪ потерять,
Старайся страсть свою таить, колико можно,
Дабы достойнѣе возлюбленной тѣмЪ стать.

Чтобъ понравиться драгой,
Тайну свято наблюдай;
Тайна ключь любви прямой,
Имъ лишь сердце отпирай.

* * *

Побѣдѣ и концу ввѣряйся совершеннымъ,
Ввѣряйся одному лишь сердцу своему:
Все, что теряется тщеславїемъ безмѣрнымъ,
Намъ возвращается по щастью одному.

* * *

Чтобъ понравиться драгой,
Тайну свято наблюдай;
Тайна ключь любви прямой,
Имъ лишь сердце отпирай.

3.

Когда бы насъ не услаждала
Любовь въ печальной жизни сей,
Когдабъ она не устилала
Цвѣтами скучныхъ здѣсь путей:

* * *

Тогда бы вѣчно удалились
Отъ насъ прїятнѣйшїе дни,
И души наши погрузились,
Въ печали, въ горести одни.

* * *

Любовь! твои мы цѣпи
Должны благословлять.
Когда нѣжнѣйшїе любовники страдаютъ,
Страданїе они не вовсе ощущаютъ;
Ты знаешь, о любовь! сердца ихъ услаждать.

* * *

Когда любимъ я дарагою,
Благополученъ въ жизни я:
Усмѣшкою ея одною
Рѣшится участь вся моя.

* * *

Напрасно, о судбина злая!
Жестокосердїе твое:
Люблю, лишь молвитъ дорогая,
И сердце счастливо мое.

* * *

Любовь! твои мы цѣпи
Должны благословлять.
Когда нѣжнѣйшїе любовники страдаютъ,
Страданїе они не вовсе ощущаютъ;
Ты знаешь, о любовь! сердца ихъ услаждать.

* * *

Сидя любовникъ съ дарагою
Въ тѣни прохладной жаркимъ днемъ,
Хлопочутъ тамъ между собою
О бракѣ будущемъ своемъ.

* * *

Я слышалъ разговоръ ихъ слезной,
И былъ свидѣтелемъ всему:
Страдать прїятнѣе съ любезной,
Какъ быть щастливымъ одному.

* * *

Любовь! твои мы цѣпи
Должны благословлять.
Когда нѣжнѣйшїе любовники страдаютъ,
Страданїе они не вовсе ощущаютъ;
Ты знаешь, о любовь! сердца ихъ услаждать.

ЕПИГРАММЫ.

1.

Стихи мои вездѣ читатель одобряетъ,
Одинъ Завидовъ лишь стихи мои ругаетъ:
За что же? спроситъ кто. — онъ самъ стихи кропаетъ,
Такъ поваръ повара когда же одобряетъ?

2.

Мараловъ написалъ стиховъ велику груду,
Едва ли въ мочь тащить дебелому верблюду.
Однакожъ для худова смаку,
Не вышло въ публику ни одного стиха:
Но въ етомъ нѣтъ грѣха;
Коль не пошли въ печать, пойдутъ подъ кулебяку.

3.

Напрасно бѣдной, ты! къ скупому стонъ возносишь,
И помощи себѣ отъ сребролюбца просишь:
Онъ душу скрылъ въ сундукъ сокровище любя;
Такъ слышать безъ души возможно ли тебя?

4

Несмыслитъ нашъ Колинъ писать стиховъ ни прозы;
Стихи его какъ ледъ.
Другой на то въ отвѣтъ:
И жару быть не льзя. — Колинъ писалъ въ морозы.

5

О чести спорились философъ и портной.
Я душу, говорилъ философъ, украшаю;
А я, сказалъ портной, все тѣло убираю:
Такъ что же есть честнѣй; покрышка иль подбой?

6

Всегда съ толпой друзей меня ты посѣщаешь,
И ужинъ и обѣдъ мой съ ними раздѣляешь:
Журишь, что не хожу къ столу я твоему?—
Божусь, что за столомъ быть скучно одному.

7

Ты, Фабуллъ! мя зовешь наслѣдникомъ себѣ;
Я слышу то весьма:
Но вѣрить истинно мнѣ, Фабуллъ, въ томъ тебѣ
Не можно безъ письма.

8

Напрасно утверждаетъ всякъ,
Что есть ученье свѣтъ, а грубость ходитъ
въ тьмѣ;
Когдабъ то было такъ,
Сидѣли либъ ученые въ тюрмѣ.

9

Между прекрасныхъ женъ нашелъ я вертопра-
шку,
Которая была не болѣе какъ съ шашку,
И вѣсомъ только въ фунтъ:
Скажитежъ, много ли бездѣльства было тутъ?
Пудъ.

10.

Дивлюся, что никто Двуличину не вѣритъ;
Онъ кажется ни въ чемъ не лицемѣ-
ритъ;
Онъ честїю своей божится завсегда. —
Но чести не было въ немъ съ роду никогда.

11.

Напрасно тотъ сказалъ, кто злымъ тебя на-
рекъ;
Ты само зло, Зоилъ! — не злой ты человѣкъ.

12.

Я все имѣніе прожилъ тебя любя,
Толико я любилъ, дражайшая, тебя,
Молодчикъ говорилъ красавицѣ вздыхая:
За чтожъ теперь меня кидаешь ты драгая?
Красавица на то: такъ водится, Милонъ,
Коль выжатъ сокъ, пустой кидается лимонъ.

13.

Прелеста красится чужими волосами,
Чужою красотой, чужими ѣстъ зубами:
Скажижъ, Прелеста! намъ, почто не купишь глазъ? —
Продажныхъ нѣтъ у насъ.

14.

Во всемъ прелестна ты, Сильвія дорогая!
Молодчикъ говорилъ, красавицу лаская,
Статна, нѣжна, млада, приманчива, красива,
Бѣла какъ молоко, румяна яко слива:
По смерть бы я горѣлъ къ тебѣ любовнымъ жаромъ;
Да чтожъ? — не любишь даромъ.

15.

Изрядную вчера комедію играли,
Въ которой плакали и хохотали.

Признаться, что она имѣетъ вкусъ и толкъ,
Да только вотъ какой порокъ:
Что добродѣтели училъ въ ней волкъ.

16.

Честонъ меня журилъ и часто мнѣ пѣнялъ,
За чемъ писать стихи я нынѣ пересталъ?
Стихи, онъ говорилъ, мои увеселяютъ;
Ихъ хвалятъ и вездѣ охотно раскупаютъ. —
Увеселенїе худое тамъ, Честонъ,
Гдѣ деньги продавцу, а Автору лишь звонъ.

ЗАГАДКА.

Хоть тѣло малое имѣю,
И силы слабы содержу:
Однакъ великїя дѣла творить умѣю,
И пользу знатную людямъ произвожу.
Я домы заперты мгновенно отворяю,
И паки ихъ крѣплю безъ всякаго труда;
Я домъ хозяина съ хозяйкой сохраняю,
И самъ отъ нихъ хранимъ бываю завсегда

К.

СТИХИ.

На кончину господина Адмирала Грейга.

Какой плачевный гласъ отъ Ревеля несется!
Я слышу, тяжкій вопль по флоту раздается.
Не Грейгъ ли посредѣ Балтійскихъ тамъ валовъ,
Караетъ и разитъ продерзливыхъ враговъ?
Ахъ нѣтъ! то Ростиславъ (а) отчаянный рыдаетъ,
И плавая въ слезахъ къ Россіянамъ вѣщаетъ:
Восплачте, храбрые о Россы, вы со мной;
Побѣдоносный вождь скончался и герой,
Скончался храбрый Грейгъ, честь Росская и слава,
Надежда твердая надеждна Ростислава.
Се сынъ отечества, се подданный прямой!
Се добродѣтельный и жалостный герой!
Се тотъ, не дорожилъ своимъ который вѣкомъ,
Кой былъ героемъ здѣсь и вкупѣ человѣкомъ.
Былъ кротокъ, истиненъ, состраждущъ и правдивъ,
Умѣренъ въ щастіи, въ нещастьи терпѣливъ.

Г

(а) Корабль, на коемъ скончался Грейгъ.

Какъ Скименъ онъ въ бою, какъ Агнецъ послѣ бою;
Такому завсегда надлежитъ быть герою.
Се тотъ, который громъ и молнію бросалъ,
Каралъ своихъ враговъ, Россію защищалъ.
Плывя нетрепетно свирѣпыми морями
Смерть смертію встрѣчалъ, сражаясь со врагами;
Который нѣкогда потрясъ Архипелагъ,
И Порту превратить готовился во прахъ;
Который доблственно сражался днесь со Шве-
дomъ,
Со безпокойнымъ симъ и дерзостнымъ сосѣдомъ.
Ахъ естьлибъ видѣли вы, Росскіе сыны!
Какъ тяжко онъ разилъ врага средь глубины!
Какъ громы тяжкіе металъ изъ жерловъ смер-
тныхъ
На Шведовъ дерзостныхъ, строптивыхъ, ли-
цемѣрныхъ.
Какъ Левъ на Готѳа онъ сражаясь свирѣпѣлъ,
А побѣдивъ врага, какъ другъ о немъ жалѣлъ.
Колика доблесть въ немъ! колика добродѣтель!
Тому вселенна вся и Ростиславъ свидѣтель.—
Престань о Ростиславъ! нещастье намъ вѣ-
щать,
И сердце скорбїю чувствительно пронзать.
Я вижду, что о немъ скорбитъ ЕКАТЕРИНА,
Въ слезахъ Ея лице, прекраснѣйшее крина:
Я зрю, Россія вся рыдаетъ и стенетъ,
И преклонивъ главу въ печали вопіетъ:

Лишилась Грейга я, лишилася героя,
Онъ жизнью жертвовалъ для моего покоя;
Ни лести, ни суетъ, ни гордости незналъ,
Лишь добродѣтелью себя увеселялъ —
Онъ добродѣтеленъ! . . почто же мы рыдаемъ,
И сердце тяжкою печалью удручаемъ?
Онъ добродѣтеленъ! . . . о чемъ же намъ жалѣть?
Кто добродѣтеленъ, тотъ можетъ ли умреть?
Колико счастливы честные человѣки!
О Грейгъ! ты будешь живъ въ сердцахъ у насъ
на вѣки.

ЭПИТАФІЯ

Ему же г. Адмиралу Грейгу.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Россійскій Адмиралъ,
Побѣдоносный Грейгъ, что Россовъ защищалъ,
Который жертвовалъ отечеству собою,
Покоя не имѣлъ для общаго покою;
Бросалъ перунъ и громъ достойно на враговъ,
Металъ то въ бездну ихъ, то выше облаковъ.
Сострраждущъ, кротокъ былъ, правдивъ, нели-
цемѣренъ,
Усерденъ обществу, ЕКАТЕРИНѢ вѣренъ:
И словомъ въ жизни онъ тѣмъ только согрѣшилъ,
Что мало жилъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

материямъ въ сей книгѣ содержащимся.

